

Е. Н. Наземцева

Особенности правового положения русской эмиграции в китайской провинции Синьцзян (1920–1940-е гг.)

Проблема правового положения представителей российской эмиграции стала привлекать внимание научного сообщества в последние годы. Сложность темы правового статуса, ее междисциплинарный характер, ограниченность источниковой базы, специфика, требующая особых методов и подходов при анализе, систематизации, долгое время оставляли ее вне поля зрения исследователей.

Сегодня вопросы, касающиеся правового положения русской эмиграции, затрагиваются во многих исследованиях¹. По данной тематике подготовлены

¹ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; *Аблова Н.Е.* 1) История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999; 2) Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; *Бочарова З.С.* 1) «...не принявший иного подданства»: проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930 годы. СПб., 2005; 2) Эмигрантская периодика 1920–1930-х гг. о правовом положении русских беженцев // Периодическая печать российской эмиграции 1920–2000. Сб. ст. М., 2009; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2006; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция (1920–1950-е годы). М., 2008; *Куликова Н.В.* Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае (1917–1931 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005; *Лагодзинская Ю.С.* Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. 2012. № 3–4. С. 132–144; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М., 2007; *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е годы). Барнаул, 2010; *Нитобург Э.Л.* Русские в США: история и судьбы, 1870–1970: Этноисторический очерк. М., 2005; *Сабешникова И.В.*

сборники документов². В то же время необходимо отметить, что основное внимание и авторов, и составителей документальных собраний уделялось европейскому региону. Особенности правового положения русской эмиграции в Китае лишь затрагивались в ряде обобщающих работ и в некоторых специальных публикациях. Целостного же исследования данной проблеме посвящено не было.

Правовое положение русских беженцев на протяжении длительного периода оставалось сложным как с точки зрения международного права, так и с точки зрения права стран-реципиентов³. Необходимо было определить *статус* граждан бывшей Российской империи, оказавшихся за рубежом в 1917–1922 гг., выработать единую политику в их отношении, учитывая при этом особенности правового законодательства принимающих государств⁴.

5 января 1922 г. ВЦИК и Совнарком опубликовали декрет от 15 декабря 1921 г. о лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. Прав гражданства лишались лица, находившиеся за границей непрерывно более пяти лет и не получившие от советского правительства паспорт до 1 июня 1922 г.; лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советских властей; лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти, или участвовавшие в контрреволюционных организациях. Статья 2 того же декрета предусматривала возможность восстановления гражданства. В дополнение к данному декрету в конце 1925 г. комиссариатом

Российская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002; *Тарле Г.Я.* Российское зарубежье и Родина. М., 1993; *А. Ван Чжичэн.* Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай, 2010; см. также: Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг. Сб. научн. трудов. СПб., 2006.

² Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сб. док. и материалов / сост. З.С. Бочарова. М., 2004; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Кн. 1. «Исход». Кн. 2. На чужбине; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М., 2001. Т. 2. Несбывшиеся надежды; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М., 2002. Т. 3. Возвращение; Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. М., 2007. Том 4. У истоков «Русского общевоинского союза». 1924. Документы и материалы; Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. М., 2010. Т. 5. Раскол. 1924–1925.

³ Реципиент (от лат. *recipiens* — получающий, принимающий) — физическое лицо, юридическое лицо или государство, получающее платежи, доходы; под реципиентом понимают также страну, привлекающую зарубежные инвестиции, осуществляющую прием мигрантов из других стран. Для приезжающих на постоянное место жительства и для приезжающих на работу эти условия различаются.

⁴ Гражданство — устойчивая политико-правовая связь человека и государства, выражающаяся в их взаимных правах и обязанностях. Долгое время в монархических странах связь лица с государством выражалась в виде подданства, т. е. непосредственно в связи с монархом, а не с государством в целом. В настоящее время в большинстве монархических стран отказались от подобной концепции и институт подданства заменен на институт гражданства. Гражданство является одним из институтов конституционного права и находит свое закрепление в конституции (основном законе) или конституционном акте государства и иных нормативно-правовых актах. Гражданство или подданство удостоверяется установленным в государстве способом.

внутренних дел были изданы правила о порядке возвращения в СССР, согласно которым допускалась отсрочка въезда указанных лиц под предлогом предупреждения усиления безработицы в стране. Лицам, намеренным немедленно после оформления ими гражданства или амнистии возвратиться в СССР, рекомендовалось прилагать к заявлению документы о возможности трудоустройства, удостоверяющие, что проситель не пополнит ряды безработных.

В 1920-е — 1930-е гг. в Китае не было определенной государственной власти и соответственно политики в отношении русских эмигрантов. В разных провинциях и регионах страны их правовое положение зависело от политической ситуации и характера власти.

На Дальнем Востоке, по данным Русского общества, в Маньчжурии и Монголии к началу 1930-х гг. насчитывалось примерно 110 тыс. чел. русского населения, 60 тыс. имели статус эмигранта, около 50 тыс. являлись советскими гражданами. По данным делового сборника «Коммерческий Харбин», в начале 1930-х гг. в Харбине проживало 30 044 русских эмигранта без гражданства, 26 633 советских гражданина и 6793 россиянина, принявших китайское гражданство⁵.

Изменения правового статуса русских граждан в Китае наметились уже в 1917 г., т.е. сразу же после начала революционных событий в бывшей Российской империи: несмотря на положение об экстерриториальности русских в стране, для въезжающих в Китай русских было введено обязательное визирование паспортов, что было нарушением правил, предоставленных России Китаем договорами, заключенными ранее. Российские консулы, представлявшие в создавшихся условиях Временное российское правительство, пытались изменить положение⁶. Большую роль в этом играл Н. А. Кудашев⁷.

⁵ Аурилена Е.Е. Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия, Шанхай, Северный Китай. 1920–1940-е гг.) // Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг. Сб. научн. трудов. СПб., 2006. С. 189.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 3196. Л. 7 // АВПРИ. Ф. Правовой Департамент. Оп. 455-а Д. 48. Л. 2; Пекинская дипломатическая миссия России была учреждена в 1861 г. В 1863 г. возглавлявший дипломатическую миссию в Пекине министр-резидент был возведен в ранг посланника. Ему подчинялись многочисленные российские консулы в Китае. Генеральные консульства России приступили к работе в Шанхае (1896), Харбине (1907) и Мукдене (1908). Главной особенностью деятельности консульских учреждений России на Востоке явилось право консула на осуществление судебной власти над своими соотечественниками в государстве пребывания, или так называемая консульская юрисдикция. Подробнее см.: Семенов В.А. Деятельность российских консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны (1911–1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012.

⁷ Н.А. Кудашев (1868–1925) — русский дипломат. Первый секретарь российского посольства в Токио (1902), в 1905 г. — член российской делегации на мирной конференции в Портсмуте, первый секретарь российского посольства в Константинополе (1906). В 1910–1913 гг. — временный поверенный в делах России в США. В 1914–1916 гг. — директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного Главнокомандующего, осуществлявшей координацию деятельности Ставки и МИДа. В 1916–1917 гг. — посланник в Китае. Продолжал занимать пост посланника до 1920 г., когда китайские власти закрыли русские дипломатические представительства. Умер в 1925 г.

Китайской стороне дали понять, что «требование от въезжающих в Китай русских визированных китайскими консулами паспортов может быть приведено в исполнение только с согласия Русского Правительства, так как русские в Китае вреземельны». Кроме того, эти требования, по сведениям российского министерства иностранных дел, были предъявлены только к русским, что, в свою очередь являлось нарушением правил наибольшего благоприятствования, предоставленных России Китаем. Поэтому Временное правительство ответило резким отказом на применение к русским гражданам этой меры⁸.

Бывшие царские дипломаты занимались оформлением видов на жительство в Китае и после окончания Гражданской войны, а затем эти функции стали осуществлять беженские организации, официально признанные китайскими властями. Одной из таких организаций был Комитет объединенных делегаций русских аполитичных общественных организаций в Китае, который пытался отстаивать права русских перед официальными властями страны. Этому способствовала и деятельность Комитета общества судебных деятелей в Харбине.

23 сентября 1920 г. в Китае был издан Декрет президента Китайской республики Сюй Шичана о прекращении официальных сношений с имеющимися в стране российскими дипломатическими представительствами. 5 октября этого же года Комитет общества судебных деятелей выступил перед консульским корпусом с меморандумом, в котором декрет был «подвергнут анализу»⁹. Спустя несколько дней Комитет объединенных делегаций русских аполитичных общественных организаций обратился к Министру иностранных дел Китая с меморандумом о *modus vivendi* для русских. Эта просьба была удовлетворена. За находящимися в Китае русскими гражданами по-прежнему сохранялись их права, предоставленные им ранее договорами. Однако за этим последовал декрет об организации на территории КВЖД судебных установлений особого Маньчжурского района и «декрет об иностранных советниках»¹⁰. Согласно последнему, русским адвокатам запрещалось ведение дел в китайских судах, что существенно ограничивало возможность защиты русскими своих прав, так как их дела теперь передавались китайским адвокатам и судьям.

Это не могло не остаться без внимания русской общественности. Комитет объединенных делегаций русских аполитичных общественных организаций вновь вынужден был обратиться за разъяснениями действий китайского руководства в отношении русских эмигрантов и фактического изменения их правового статуса к Дипломатическому корпусу. Дипломатический корпус в свою очередь по этому поводу направил официальную ноту китайскому правительству, от которого вскоре вновь последовал ответ с заверениями о сохранении за русскими всех прав¹¹.

⁸ АВПРИ. Ф. Правовой Департамент. Оп. 455-а Д. 48. Л. 2.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9145. Оп. 1. Д. 220. Л. 1.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 220. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

Однако русские эмигранты и беженцы постепенно теряли свои права граждан страны. Русский язык в китайских судах был запрещен, деятельность русских адвокатов фактически прекращалась. Интересы русских представлять официально было некому. Декреты и меморандумы с просьбами о решении проблем правового статуса следовали один за другим, однако политика Пекинского правительства оставалась прежней: вежливые заверения с одной стороны и ужесточение правового положения представителей русской диаспоры — с другой. Постепенно это привело к полной утрате гражданами бывшей Российской империи своих прав в Китае¹².

После фактического лишения всех российских подданных прав экстерриториальности в феврале 1921 г. пекинское правительство по настоянию иностранных держав учредило специальное Бюро по русским делам при китайских комиссарах по иностранным делам в крупных торговых портах страны. Это было необходимо для решения проблемы правового статуса русских эмигрантов. Бывшие русские консульские чины были зачислены в эти Бюро на службу без содержания китайской казны. Права и обязанности русских консульских чинов имели совещательно-исполнительный характер¹³.

31 мая 1924 г. министр иностранных дел пекинского правительства Гу Вэйцзюнь и полномочный представитель правительства СССР в Китае Л. М. Карахан официально подписали Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между Китайской Республикой и СССР. Министром иностранных дел «в интересах дружбы между Китайской Республикой и СССР» было сделано официальное заявление об обязательном прекращении «состояния всех подданных бывшей Российской империи на службе в китайской армии и полиции ввиду того, что своим присутствием или деятельностью они создают угрозу безопасности СССР»¹⁴. В тот же день было объявлено о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами. После этого абсолютное большинство русских эмигрантов, не признавших советскую власть, окончательно превратилось в беженцев без гражданства. С этого времени у них не было своего представителя, чьи права и полномочия были бы признаны дипломатическим иностранным корпусом в Китае. Бывшие подданные Российской империи, отказавшиеся от советского гражданства и советских паспортов, получили статус «лиц без гражданства»¹⁵. Кроме того, с 1924 г. КВЖД управлялась на паритетных началах советскими и китайскими властями и положение русских эмигрантов

¹² 3–5 июля 1922 г. в Женеве состоялась конференция представителей правительств, на которой был принят сертификат для беженцев, получивший позже название нансеновского паспорта. Однако документ, подтверждавший особый юридический статус русских беженцев, в Китае признан не был.

¹³ Ван Чжичэн А. Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай, 2010. С. 7.

¹⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. Л. 1.

¹⁵ Ван Чжичэн А. Ук. соч. С. 8.

также изменилось. Советская сторона требовала исключить их из штата служащих. Сохранить рабочее место можно было двумя путями: принять советское или китайское гражданство¹⁶.

Процедура получения китайского гражданства была довольно сложной и имела ряд особенностей. Большинство русских эмигрантов не могло воспользоваться данной возможностью определить свой правовой статус. Для вступления в китайское подданство согласно закону 1912 г. и его дополнениям 1914 г. требовалось соблюдение ряда условий: проживание в течение пяти лет на китайской территории, обладание имуществом или работой, «дающими возможность самостоятельного существования»¹⁷. Кроме этого, согласно ст. 4 закона 1912 г., «иностранцы или не имеющие подданства приобретают китайское подданство с разрешения Министерства внутренних дел», согласно ст. 4 примечаний к закону 1914 г. местные власти должны были пересылать прошения о приеме в китайское подданство в Министерство внутренних дел, согласно ст. 6 этого же закона 1914 г. разрешение о приеме в подданство имело силу со дня его опубликования в «Правительственном вестнике»¹⁸.

На северо-западе Китая, в Синьцзяне правовое положение русских эмигрантов имело свои особенности, а урегулирование правового статуса являлось важным фактором советско-китайской дипломатии в регионе.

Отношение к русским гражданам со стороны китайских властей начало меняться уже с весны 1917 г., после произошедших в России политических изменений. В министерство иностранных дел были направлены сведения о падении престижа России в провинции, а также о случаях оскорблений китайцами русских подданных¹⁹.

В то же время сами русские пытались разобраться в сложившемся положении. В ряде крупных городов были образованы исполнительные комитеты, рассматривавшиеся их членами как органы объединения русско-мусульманской колонии российских подданных. В частности, такие комитеты были образованы в г. Кульдже, Чугучаке²⁰.

Сами российские власти не рассматривали подобные организации как органы самоуправления, а скорее как «органы общественного мнения, указаниями которого Временное правительство готово руководствоваться»²¹.

¹⁶ Аурилене Е.Е. Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия. Шанхай. Северный Китай. 1920–1940-е гг.) // Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг. Сб. научн. трудов. СПб., 2006. С. 189.

¹⁷ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. Л. 21.

¹⁸ Там же.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3357. Л. 75.

²⁰ Там же. Л. 65, 90.

²¹ Там же. Л. 91.

Позднее, в 1920 г. был всё же образован общий орган самоуправления в среде русской диаспоры — Русский Шанхой. Эта организация существовала на средства местных русских купцов и просто зажиточных представителей русской диаспоры. В ее задачи входило оказание преимущественно материальной и медицинской помощи русским беженцам. Председателем Шанхоя являлся бывший директор Русско-Азиатского банка в Кульдже С. П. Дукович²². Однако получаемых пожертвований было недостаточно для организации масштабной помощи. Связь с эмигрантскими организациями в Харбине, которые могли оказать финансовую поддержку, отсутствовала. Чтобы собрать необходимые средства, устраивались различные благотворительные мероприятия²³.

Вскоре деятельность Шанхоя стала сводиться не столько к поддержке русских эмигрантов и защите их прав, сколько к организации политических акций, направленных против представителей советской власти в провинции. Однако, учитывая процесс активного восстановления политических и экономических связей провинциальных властей с советской стороной, китайское руководство закрыло все организации, пытавшиеся отстаивать права русских эмигрантов, в том числе Шанхой, уже в 1922 г.²⁴

Деятельность Шанхоя раздражала советскую сторону и способствовала активному проведению мероприятий, направленных на «обезвреживание» синьцзянской ветви русской эмиграции. Главным мероприятием стала политика реэмиграции. Сложное экономическое положение русских эмигрантов, в особенности представителей ее военной части, неясность правового статуса вынуждали многих принимать решение о возвращении в Россию, даже несмотря на собственные политические убеждения и предпочтения.

Мероприятия, непосредственно касающиеся репатриации русских из Синьцзяна, подробно освещались ранее²⁵. Однако представляется целесообразным привести новые данные относительно численности репатрируемых и охарактеризовать некоторые существенные дипломатические аспекты, связанные с деятельностью представителей советского руководства в решении вопроса правового статуса русских эмигрантов в провинции.

Анализ данных консульского обзора о русской эмиграции в Илийском округе свидетельствует о постоянстве реэмиграционных настроений в среде эмигрантского сообщества Синьцзяна. По официальным данным консула СССР в Кульдже Д. К. Вазонова, за период с 1920 по 1923 г. в Россию выехало 20 оренбургских, 10 семиреченских и 50 человек офицеров разных губерний,

²² Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 10.

²³ РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 45. Л. 190 — 190 об.

²⁴ АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 43.

²⁵ Подробнее об этом см.: Наземцева Е.Н. Тяга в Совдепию. Как большевики возвращали бывших белых из Западного Китая // Родина. 2011. № 10. С. 128–131. Автор считает уместным пояснить, что название указанной статьи не отражает ее сути, а также его собственного мнения относительно исследуемых событий и является самовольной инициативой редакции журнала.

700 оренбургских, 100 семиреченских и 450 других рядовых казаков и бывших белогвардейцев, всего — 1250 человек²⁶.

С весны 1923 г. поток русских эмигрантов, направившихся в СССР, увеличился. В основном это были те, кто намеревался перейти границу нелегально, по ряду причин они не были зарегистрированы в советском консульстве. Кроме того, многим офицерам в регистрации и восстановлении в гражданстве СССР было отказано. Были и те, кто подавал повторные заявления и в конце концов добивался восстановления в советском гражданстве, другие же вынуждены были устраивать свою жизнь в эмиграции²⁷. Как отмечал советский консул, «тяготение к возвращению в Россию было у всех, но от этого шага удерживал страх, а потому большинство конечным пунктом странствований считало Америку, надеясь там устроить свою будущность»²⁸. К 1926 г. подавляющее большинство офицеров зарегистрировались в советском консульстве и ожидали (некоторые по несколько лет. — Е.Н.) восстановления в советском гражданстве.

Некоторые группы беженцев не стремились подавать документы на регистрацию и промышляли в приграничье мелким грабежом и попрошайничеством, что серьезно осложняло ситуацию в регионе²⁹.

В то же время широкую помощь беженцам оказывало отделение Русско-Азиатского банка. По данным советского консульства, не было случая, чтобы банк отказал в материальной поддержке беженцу, обратившемуся к нему за помощью. Средства для помощи слагались из сумм, специально отпущенных банком, а также из добровольных пожертвований служащих³⁰. Однако это не могло быть бесконечным и не решало проблему. К концу 1923 г. банк прекратил оказывать материальную помощь беженцам³¹.

Китайские власти, стремясь избавиться от беспокойного контингента русских «неграждан», большая часть которых была безработной, желающим выехать на Восток оказывали некоторое содействие: им предоставлялся бесплатный проезд до Лянчжоу³².

Необходимо отметить, что бывшим российским гражданам — купцам и представителям духовенства, в том числе мусульманского, «в связи с выяснившимся благожелательным настроением» по постановлению коллегии НКВД гражданство предоставлялось советскими консулами без запроса центра³³.

Поскольку правовой статус русских эмигрантов долгое время не был определен, они не имели права свободного передвижения по территории провин-

²⁶ АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 41.

²⁷ Там же. Л. 44.

²⁸ АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 45.

²⁹ Там же. Л. 43.

³⁰ Там же. Л. 44.

³¹ Там же. Л. 45.

³² Там же. Л. 44.

³³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. ОП. 4. Д. 408. Л. 5.

ции. Это существенным образом сказывалось на их материальном положении, так как они не имели возможности найти подходящую работу, чтобы прокормить себя и свои семьи.

С 1923 г. положение беженцев несколько улучшилось в связи с тем, что им было разрешено свободно передвигаться в пределах провинции. Это позволило безработным беженцам направиться в степь, так как жизнь там стоила существенно дешевле³⁴.

Однако местные китайские власти, несмотря на тесные экономические связи с СССР, «не приветствовали» утверждение его политического влияния. Это сказывалось и на положении русских, не оформивших советское гражданство, против которых проводились постоянные репрессии³⁵.

К середине 20-х гг. регистрация бывших русских граждан в Синьцзяне продолжала оставаться «большим вопросом», причем регистрация в советском консульстве даже усугубляла положение. Советские консулы постоянно указывали на это в своих отчетах. Зарегистрировавшийся гражданин терял всякие права, которыми он пользовался до этого наравне с китайскими гражданами. От зарегистрировавшихся, но еще не восстановленных в правах гражданства СССР поступали массовые жалобы на притеснения со стороны китайских властей, это касалось как их трудовой деятельности, так и личной жизни. Более того, руководство провинции пыталось заставить русских принять китайское гражданство. Советские представители старались урегулировать эти вопросы, но руководство провинции не шло на уступки.

Решение вопроса о правовом статусе русских эмигрантов постепенно переходило в иную плоскость и становилось козырной картой в дипломатической игре как советских, так и китайских политиков на центральноазиатском направлении.

Генеральный консул СССР в Урумчи А. Е. Быстров отмечал, что «выступить на защиту бывших русских граждан чрезвычайно трудно, так как китайцы в каждом отдельном случае не забывают указать на наш отказ от собственной юрисдикции»³⁶. Положение становилось настолько трудным, что А. Е. Быстров пришел к выводу: на китайское руководство «больше действует система неуступчивости и угроз»³⁷. Единственный выход он видел в ответных репрессиях по отношению к китайским подданным в советском Туркестане, «где фактически китайских граждан больше, чем русских в Синьцзяне»³⁸, тем более что именно в это время там как раз проходила регистрация китайских граждан и китайские власти неоднократно направляли свои жалобы советским представителям на многочисленные нарушения, допускаемые, по их мнению,

³⁴ АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 45.

³⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. ОП. 4. Д. 408. Л. 1.

³⁶ АВПРФ. Ф. 08. Оп. 9. П. 18. Д. 74. Л. 16.

³⁷ Там же. Л. 3.

³⁸ Там же. Л. 16.

советской стороной при проведении регистрационных мероприятий³⁹. Другой мерой советский представитель считал возможное ограничение подачи воды из рек, протекающих по территории СССР и Синьцзяна⁴⁰.

В конце концов генеральный консул СССР в Урумчи А. Е. Быстров направил официальное письмо дудзюну⁴¹ провинции Синьцзян — Ян Цзенсиню, в котором отмечал, что, «несмотря на то что в Центральном Китае уже давно был разрешен вопрос с регистрацией бывших русско-подданных, проживающих там, и регистрация давно окончена, в Синьцзяне, несмотря на ряд моих запросов, вопрос этот до сего времени не разрешен... <...> Такого рода неопределенность ставит в весьма невыгодное положение граждан, желающих зарегистрироваться в советское гражданство, со дня своей регистрации [они] теряют немедленно право и возможность свободно передвигаться по стране в поисках заработка». Консул также обращал внимание на то, что «китайские граждане, проживающие не только в смежных с Синьцзяном областях СССР, но и на всей территории Советского Союза, пользуются полной свободой передвижения и правом обработки земель наравне с советскими гражданами»⁴².

Подобное положение в решении «русского вопроса» объяснялось ситуацией, сложившейся к этому моменту в правительстве Синьцзяна: отсутствовало единство в определении политики руководства провинцией. Губернатор Ян Цзенсинь стремился к налаживанию взаимовыгодных экономических и политических контактов с Советским Союзом. В этом его поддерживали крупное чиновничество и мусульманское купечество. Однако взоры комиссара по иностранным делам провинции — Фань Яонаня и другой части купечества были обращены на восток. Налаживание связей с СССР воспринималось ими как усиление советского влияния в регионе⁴³.

Обозначившиеся противоречия в провинциальном руководстве отражались на внешнеполитических связях Синьцзяна и внутривнутриполитической ситуации, в том числе на мероприятиях по репатриации. Обратившись за содействием в ее осуществлении непосредственно к Фаню, советские представители не получили в этом вопросе поддержки. Несмотря на неоднократные личные переговоры консула Быстрова с Фанем, последний не шел на уступки и видел в этом давление со стороны Советского Союза «на свободное проявление воли жителей Синьцзяна»⁴⁴.

Существенно осложняло ситуацию то, что зарегистрировавшийся в консульстве бывший русский подданный, желающий затем получить гражданство СССР, вынужден был довольно длительный срок ждать утверждения

³⁹ АВПРФ. Ф. 08. Оп. 9. П. 18. Д. 74. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 3.

⁴¹ Дудзюн — губернатор провинции.

⁴² Там же. Л. 104–105.

⁴³ Там же. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 6.

его в правах гражданства, так как все документы по этому вопросу направлялись в Москву. В результате он оказывался вне закона: не гражданин Китая, но и не гражданин СССР... Отношение к таким «гражданам» было подозрительным, за каждым их шагом следили⁴⁵.

Учитывая особую политическую ситуацию в регионе, а также все существующие факторы в решении проблемы правового положения русских эмигрантов в Синьцзяне, советские консулы, непосредственно занимающиеся этими вопросами, приходили к выводу о необходимости более тесного диалога с руководством провинции, о возможности его решения «только в плоскости взаимного рассмотрения», так как «только в параллельном разрешении мог быть достигнут какой-либо результат»⁴⁶. Под «параллельным разрешением» подразумевалось отмеченное выше апеллирование к правовому положению в СССР китайских граждан. При этом советская точка зрения должна была оставаться жесткой и одновременно предельно деликатной.

В 1930-е гг. русские эмигранты в Синьцзяне надеялись на улучшение своего правового положения в связи с внутривосточными событиями, в которых они приняли активное участие. Однако их надежды не оправдались.

Во время Второй мировой войны вопросы правового положения представителей русской диаспоры оказались на периферии политических проблем региона.

К середине 1943 г. в приграничных областях наметилась тенденция к переходу границы в сторону Китая советских граждан уйгурской, дунганской и др. национальностей с целью уклонения от призыва в армию или на трудовые работы, некоторые добивались выезда из СССР, освобождения от налогов и др. государственных обязательств⁴⁷. Этому способствовала и деятельность китайского консула в Алма-Ате Инь Кен-Ху, который выдавал советским гражданам китайские паспорта на основании фиктивных справок о гражданстве, заверенных печатями сельских исполкомов, колхозов. По сведениям НКВД Казахской ССР, в течение мая–июня 1943 г. таким путем было выдано более 400 паспортов⁴⁸.

14 сентября 1943 г. Главным управлением милиции НКВД Казахской ССР было дано указание — не выдавать визы на жительство к китайским паспортам, выданным советским гражданам, паспорта задерживать и направлять в Главное управление милиции для опротестования (о незаконных действиях китайского консула информировать уполномоченного НКВД в Алма-Ате). Управлением милиции НКВД были приняты меры к изъятию незаконно полученных

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 69. Л. 55.

⁴⁸ Там же.

китайских паспортов и привлечению их владельцев к уголовной ответственности. Кроме того, военному комиссариату Казахской ССР было приказано проверить деятельность ОВИР⁴⁹.

Уходили и с территории Таджикской ССР. Для предотвращения этого и «улучшения руководства пограничными отрядами» на участке таджикской границы был организован округ пограничных войск НКВД⁵⁰.

В течение 1943 г. на этом участке границы при попытке перехода границы было задержано 33 эмигрантских группы общей численностью 209 человек и арестован 281 человек по подозрению в измене Родине, ликвидировано 9 бандитских группировок общей численностью 91 человек⁵¹.

Положение русских эмигрантов в самой провинции оказалось осложнено очередным масштабным внутривосточным кризисом. В 1944–1946 гг. здесь развернулось антикитайское восстание. Была образована независимая Восточно-Туркестанская республика⁵². Подавляющая часть русского населения приняла активное участие в этих событиях. Русские фактически оказались главной военной силой, оказавшейся на стороне повстанцев. Однако поражение восстания и изменение политической обстановки в провинции создали угрозу массовых репрессий в отношении русского населения. Чтобы защитить свои права, многие из них стали обращаться в советское консульство с целью приобрести советское гражданство⁵³.

К 1945 г. в Маньчжурии, включая Харбин, осталось около 70 тыс. жителей русской национальности. Значительную часть этого населения (около 30 тыс.) составляли те, кто обосновался здесь до революции, остальная же часть русской диаспоры включала помимо представителей белой эмиграции мигрантов, оставивших Советский Союз в период коллективизации. В Пекине, Тяньзине и Циньдао общее число русских составляло около 10 тыс., в Шанхае к этому времени осталось 17 тыс. человек⁵⁴. На северо-западе Китая — в Синьцзяне проживало около 25 тыс. русских. Из них 20 тыс. — бывшие советские граждане, нелегально перешедшие границу СССР в 1929–1930-е гг., остальные же — бывшие участники белогвардейских частей⁵⁵. Таким образом, общая численность российской диаспоры в Китае составляла около 125–130 тыс. человек.

Русские эмигранты, в том числе бывшие военные, подавали заявления о приеме в советское гражданство. На имя командования Красной армии поступило

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 69. Л. 55–56.

⁵⁰ Там же. Л. 81.

⁵¹ Там же.

⁵² Подробнее см.: *Бармин В.А.* Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул, 1999.

⁵³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 239.

⁵⁴ Там же. Л. 60. По другим данным, в Шанхае проживало около 25 тыс. русских эмигрантов (Там же. Л. 239).

⁵⁵ Там же.

около 9000 заявлений с просьбой о принятии в советское гражданство и о разрешении на въезд в Советский Союз. В Шанхае за годы войны было подано около 3000 заявлений⁵⁶. Следует отметить, что по данным Управления НКГБ «бесправное положение русской эмиграции в Шанхае» служило «поводом иностранным разведывательным органам (США, Китая) в их стремлении использовать русскую эмиграцию во враждебных по отношению к СССР целях»⁵⁷.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, 10 ноября 1945 г. советским правительством был издан указ «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии», несколько позже этот указ был распространен и на лиц, проживающих в провинции Синьцзян и в Шанхае⁵⁸. Кроме этого, было подготовлено Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О порядке принятия в советское гражданство русских, проживающих в Маньчжурии». Указ был опубликован в «Ведомостях Верховного Совета СССР» и должен был быть доведен консульствами СССР в Маньчжурии до сведения русского населения⁵⁹. Аналогичное постановление было принято и в отношении русских, проживающих в Синьцзяне и Шанхае⁶⁰.

Для рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР бывших российских подданных при советских консульствах в г. Харбине, Дальнем и Маньчжурии были созданы специальные комиссии. В Харбине председателем комиссии являлся генеральный консул Г. И. Павлычев, заместителем председателя был назначен вице-консул А. Н. Логинов, в комиссию также вошли П. Т. Заборовский (НКГБ СССР) и В. Н. Пуминов (ГУКР «Смерш»). Председателем комиссии в г. Маньчжурии был назначен консул Ф. И. Рунов, в комиссию также вошли А. А. Иванов (НКГБ СССР) и М. М. Богданов (ГУКР «Смерш»). В г. Дальнем комиссию возглавил консул П. С. Петров, в состав вошли Н. Г. Князев (НКГБ СССР) и А. Н. Кокин (ГУКР «Смерш»). Дополнительно для работы в комиссиях ГПУ Красной Армии было выделено по 10–20 политработников⁶¹. В Синьцзяне и Шанхае также были организованы подобные комиссии. В г. Урумчи ее возглавлял управляющий генконсульством И. Г. Евсеев, в г. Кульдже — консул Г. С. Добашен, в г. Чугучаке — консул И. К. Морозов, в г. Шанхае — заведующий консульским отделом Посольства СССР — М. С. Ананьев⁶².

Наличие в организованных комиссиях сотрудников «Смерш» было обусловлено необходимостью, согласно советской политике репатриации, фильтрации

⁵⁶ Там же. Л. 61.

⁵⁷ Там же. Л. 240.

⁵⁸ Там же. Л. 238.

⁵⁹ Там же. Л. 51.

⁶⁰ Там же. Л. 236, 237.

⁶¹ Там же. Л. 51.

⁶² Там же. Л. 237.

всего контингента возвращающихся в СССР бывших военнопленных, репатриантов, в том числе русских эмигрантов, а также граждан иностранных государств⁶³.

Деятельность групп «Смерш» в этом направлении была весьма активной. Используя данные, полученные в ходе фильтрации, и продвигаясь вместе с наступающими советскими частями, опергруппы «Смерш» проводили аресты, вели розыск на освобожденной территории⁶⁴. В. С. Христофоров приводит данные, направленные начальником ГУКР «Смерш» В. С. Абакумовым в ГКО и НКВД СССР, согласно которым в Маньчжурии «за два дня наступления органами “Смерш” трех фронтов на территории, занятой нашими войсками, было арестовано 119 человек: 75 сотрудников и агентов японской разведки и 44 активных участника белогвардейских и фашистских организаций»⁶⁵.

Русские, принявшие решение восстановить гражданство СССР, были обязаны до 1 февраля 1946 г. обратиться в консульства СССР с соответствующим заявлением, к которому должны были быть приложены документы, удостоверяющие личность заявителя и его принадлежность в прошлом к подданству бывшей Российской империи или СССР. Ходатайства рассматривались консульствами и «в случае признания предоставленных заявителем документов, удовлетворяющих требованиям настоящего Указа», консульства выдавали советский вид на жительство. Лица, не возбудившие ходатайства в течение установленного указом срока, могли быть приняты в гражданство СССР на общих основаниях⁶⁶. В случае отсутствия у заявителей необходимых документов, их личность и факт в прошлом принадлежности к подданству бывшей Российской империи или СССР могли быть подтверждены свидетельскими показаниями «других лиц, подавших заявления о восстановлении в советском гражданстве и известных консульству»⁶⁷.

Указ распространялся на лиц, состоявших к 7 ноября 1917 г. в подданстве бывшей Российской империи и на их детей, на лиц, состоявших в советском гражданстве и утративших это гражданство, в том числе на лиц, служивших в белых армиях и эмигрировавших из СССР и на их детей⁶⁸. Указ не распространялся на руководителей и наиболее активных участников антисоветских организаций, «проводивших вражескую работу против СССР», на лиц, «в отношении которых поступят материалы об их связях с разведывательными и контрразведывательными организациями Японии и других иностранных

⁶³ Подр. см.: *Аблажей Н.Н.* Ук. соч.

⁶⁴ *Христофоров В.С.* Деятельность советских органов государственной безопасности накануне и в период войны с Японией (1945 г.) // Уроки Второй мировой войны и современность: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию окончания Второй мировой войны. 2–3 сентября 2010 г. М., 2011. С. 190.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. С. 191.

⁶⁶ Там же. Л. 52.

⁶⁷ Там же. Л. 53.

⁶⁸ Там же.

государств», а также на лиц, «намеревающихся восстановиться в советском гражданстве с целью прикрыть свою вражескую работу против СССР»⁶⁹. Ходатайства о восстановлении в гражданстве лиц, лишенных советского гражданства «в персональном порядке», направлялись вместе с заключением комиссии через консульский отдел НКВД СССР на рассмотрение в Президиум Верховного Совета СССР⁷⁰.

В результате деятельности организованных комиссий, советских консульских учреждений, возобновивших свою работу в Китае, из городов Северного Китая, тихоокеанского побережья в СССР выехали более 6 тыс. бывших эмигрантов⁷¹.

После завершения Гражданской войны в Китае сформировалась крупнейшая по численности русская диаспора. Правовое положение ее членов в силу сложившихся исторических условий, политических и международных обстоятельств было особенным. Решение проблем правового и гражданского статуса русских эмигрантов, обосновавшихся в Китае, оказывало существенное влияние на дипломатические контакты руководства заинтересованных государств и в целом на международную ситуацию на Дальнем Востоке в 20–40-е гг. XX в. Это было связано с активной политической деятельностью русских эмигрантов, их участием в событиях внутривосточного порядка, имевших место в Китае в рассматриваемый период.

References

Ablagey N. N. S wostoka na wostok: Rossijskaja emigratsyja w Kitaje. Nowosibirsk, 2007.

Ablowa N. E. Istorija KWGD i rossijskoj emigratsyji w Kitaje (perwaja polowina XX w.). Minsk, 1999.

Ablowa N. E. Dalnewostotschnaja wetw', Russkogo zarubegja. Minsk, 2007.

Aurilene E. E. Regionalnyje osobennosti prawowogo pologenija rossijskich emigrantow w Kitaje (Mantschuria. Schanchaj. Sewernyj Kitaj. 1920–1940-e gg.): Sb. nautsch. trudov. SPb., 2006.

Aurilene E. E. Rossijskaja diaspora w Kitaje. 1920–1950-e gg. Khabarowsk, 2008.

Barmin W. A. Sinzsjan w sowetsko-kitajskich odnoszenijach 1941–1949 gg. Barnaul, 1999.

Botscharova Z. S. "...ne prinjawschij inogo poddanstva": problemy sozialno-prawowoj adaptazii rossijskoj emigratsyji w 1920–1930 gody. SPb., 2005.

Jowanowitsch M. Russkaja emigratsyja na Balkanach 1920–1940. M., 2006.

Ippolitov S. S. Rossijskaja emigratsyja i Ewropa: nesostojawschisja aljans. M., 2004.

Kjoseva Z. Bolgaria i russkaja emigratsyia (1920–1950-e gody). M., 2008.

⁶⁹ Там же. Л. 54.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *Аблажей Н.Н.* Ук. соч. С. 154.

Kulikova N. W. Politiko-prawowoje pologenie rossijan w Sewero-Wostotschnom Kitaje (1917–1931 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Khabarowsk, 2005.

Lagodzinskaja Ju. S. Russkaja emigratsyja i stanovlenie prawowogo statusa begentsev // Woprosy rossijskogo i megdunarodnogo prawa. 2012. № 3–4. S. 132–144.

Melichov G. W. Rossijskaja emigratsyja w megdunarodnych odnoscheniach na Dalnem Wostoke. 1925–1932. M., 2007.

Nazemtseva E. N. Russkaja emigratsyja w Sinzjane (1920–1930-e gody). Barnaul, 2010.

Nitoburg E. L. Russkie w SSCHA: istoria i sudby, 1870–1970: etnoistoritscheskij ocherk. M., 2005.

Russkaja wojennaja emigratsyja 20–40-ch godov XX weka. Dokumenty i materialy. M., 1998. T. I. Kn. 1. Iskhod. Kn. 2. Na chugbine.

Russkaja wojennaja emigratsyja 20–40-ch godov XX weka. Dokumenty i materialy. M., 2001. T. 2. Nesbywschiesja nadegdy.

Russkaja wojennaja emigratsyja 20–40-ch godov XX weka. Dokumenty i materialy. M., 2002. T. 3. Wozwraschenie.

Russkie begenzy: problemy rasselenia, wozwraschenia na Rodinu, uregulirowania prawowogo pologenia (1920–1930-e gody): sb. dok. i materialov / Sost. Z. S. Botscharova. M., 2004.

Sabennikova I. W. Rossijskaja emigratsyja (1917–1939): Sravnitelno-tipologitscheskoje issledovanie. Twer, 2002.

Semenov W. A. Dejatelnost rossijskich konsulov w prigranichnyh rajonah Kitaja i Mongolii nakanune i w gody Perwoj mirowoj wojny (1911–1918 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2012.

Tarle G. Ja. Rossijskoje zarubegje i Rodina. M., 1993.

Christoforov W. S. Dejatelnost sowetskich organov gosudarstvennoj besopasnosti nakanune i w period wojny s Japoniej (1945) // Uroki Wtoroj mirowoj wojny i sowremennost: Materialy megdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferenzii, poswjaschennoj 65-letiju okonchania Wtoroj mirowoj wojny. 2–3 sentjabrja 2010 g. M., 2011.